

Курт Коффка: "У узбеков ЕСТЬ иллюзий!" Заочная полемика между Лурией и Коффкой

А. Ясницкий

3, с. 1-25

<http://www.psyanima.ru/journal/2013/3/2013n3a1/2013n3a1.pdf>

Содержание

Александр Лурия: «У узбеков нет иллюзий!»	2
Историография проблемы	5
Среднеазиатские экспедиции: 1931 и 1932	9
Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!»	20
Литература	24

Эпиграфом культурно-исторической психологии могло бы стать известное выражение А.Р. Лурия «у узбеков нет иллюзий», присланное (по легенде) телеграммой Л.С. Выготскому, по поводу отсутствия визуальных иллюзий у людей, не обучавшихся в школе и соответственно не знакомых с перспективой в живописи.

Петренко В. Ф. Базовые метафоры психологических теорий¹

¹ Петренко В. Ф. Базовые метафоры психологических теорий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология - 2013. - №1 - с. 4-23. См. в Интернете:
http://www.psy.msu.ru/science/vestnik/archive/vestnik_2013-1.pdf

Среди советских психологов была в ходу история о полевых психологических исследованиях, которые Александр Лурия со своими сотрудниками проводил в Средней Азии в начале 1930х годов. Современным восточноевропейским психологам эта легендарная история тоже неплохо знакома. Тем не менее, для тех, кому эта история известна не так хорошо, имеет смысл ее обрисовать здесь, хотя бы в самых общих чертах.

Александр Лурия: «У узбеков нет иллюзий!»

Итак, согласно этой истории, Александр Романович Лурия в начале 1930-х путешествовал с психологическими экспедициями в Среднюю Азию. В ходе экспедиций Лурия и его исследовательская команда изучали различия в психологических процессах у разных групп местного населения в условиях быстро меняющегося быта в результате грандиозных социально-экономических преобразований, вызванных коллективизацией и механизацией традиционного сельского хозяйства. Основными группами испытуемых в среднеазиатских исследованиях Лурии были жители отдаленных деревень, мужчины и женщины, неграмотные крестьяне, не вовлеченные в общественный труд и социальные преобразования традиционного общества и, с другой стороны, социально-активные слои населения—слушатели краткосрочных курсов для воспитателей детских садов, преимущественно минимально образованные (т.е. малограмотные) бригадиры и руководители колхозов и активисты колхозного движения в Средней Азии, и студентки учительского техникума после двух-трех лет школьного обучения. В ходе этих экспедиций, по мнению Лурии и Выготского были получены сенсационные результаты, подтверждающие их гипотезу о социальном происхождении психологических процессов и их зависимости от культуры и человеческой общественно-полезной деятельности. В частности, в целом ряде опытов было показано, что более образованные испытуемые более часто демонстрировали способность абстрактного мышления, основанного на логическом и категориальном обобщении, в то время как мышление необразованных испытуемых было в большей степени завязано на конкретные ситуации и личный опыт предметной практической деятельности.

Помимо этих открытий в области мышления экспедиция Лурии провела также исследования восприятия, результаты которых вызвали подлинный фуррор среди этих исследователей. Так, в опытах на изучение оптических иллюзий, которыми в то время была особенно сильна немецко-американская школа гештальт-психологии, Лурия получил такие удивительные результаты, согласно которым у необразованных испытуемых—в отличие от социально-активных испытуемых, получивших по крайней мере минимальное формальное образование—оптические иллюзии не наблюдались, что должно было подтверждать положение о социальной обусловленности процессов не только мышления, но и восприятия. Именно этот эпизод лег в основу апокрифической истории о знаменитой телеграмме «У узбеков нет иллюзий!», которую, согласно преданию, торжествующий Лурия отправил Выготскому из Средней Азии в Москву. Это предание опирается на слова самого Лурии озвученные им в его докладе на заседании Московского отделения общества психологов в Институте психологии АПН СССР в Москве²:

² В наше время — Психологический институт им. Л. Г. Щукиной Российской академии образования, ПИ РАО.

Мы получили удивительную картину, ... из которой наглядно было видно, что все категории, которые мы привыкли считать естественными, на самом деле являются общественными.

В основу опытов было положено испытание на классификации: типа «четвертый-лишний», когда надо отбросить один из предметов как несоответствующий трем остальным. Неграмотные кишлячники всегда классифицировали только по ситуационному признаку — например, они никогда не рассматривали топор, пилу и лопату как инструменты, а полено — как вещь, к ним не относящуюся. Нет, они объединяли пилу, топор и полено, а лопата была в их понимании «для другого дела: для огорода». Если же мы говорили испытуемому, что вот один человек сказал, что пилу, топор и лопату можно положить вместе, потому что они инструменты, а вот полено как раз сюда не идет, то всегда слышали в ответ о том человеке крайне нелестные слова. Однако стоило этим же самым людям пройти хотя бы трехмесячные курсы, поработать в колхозе, испытать на себе влияние культурной революции, они сразу же начинали классифицировать и по абстрактному признаку тоже.

Примерно те же результаты дало изучение восприятия. Мы использовали известные картинки, которые вызывают оптико-геометрические иллюзии. Выяснилось, что и тут уровень культурного развития, определяет все. Я даже дал Выготскому телеграмму: «У узбеков нет иллюзий», за что получил от него очень интересное, аффективно окрашенное письмо, которое у меня сохранилось³. В этой работе, которую мы с Федором Николаевичем [Шемякиным] организовали, нам очень помог Узбекский научно-исследовательский институт; самим нам пришлось немножко овладеть узбекским языком. Это была трудная полевая работа, но зато она принесла огромное количество данных и мы их два года обрабатывали в Институте психологии⁴...» (Цит. по стенограмме доклада 25 марта 1974 г.) (Е. А. Лурия, 1994, с. 62).

Согласно некоторым вариациям этого же предания, Выготский якобы отреагировал ответной телеграммой, адресованной Лурии, с текстом предположительно такого содержания: «А у Лурии нет мозгов». Согласно преданию, эту неуважительную и, казалось бы, несколько вульгарную реплику из апокрифической телеграммы Выготского можно понять лишь прочитав ее в контексте политических преследований науки, якобы

³ Примечание. И в самом деле, сохранилось несколько писем Выготского с очень эмоциональной и в высшей степени благоприятной реакцией их автора на сообщения Лурии о ходе его полевых исследований. См. публикацию в этом номере журнала (Ясницкий, 2013).

⁴ Существует и другая, сравнительно недавно опубликованная версия этого же доклада, заметно отличная от приведенного здесь текста из книги Е.А. Лурия. Редакторы издания так описывают происхождение этого текста: «Расшифровка доклада была сделана журналистом К.Е. Левитиным в 1974 г. по магнитофонной записи. В редактировании расшифрованного текста принимал участие А.Р. Лурия. Настоящая публикация существенно дополнена по исходной магнитофонной записи. Шрифтовые выделения в тексте соответствуют интонационным выделениям А.Р. Лурия. Данный вариант текста и подстрочные примечания подготовлены профессором факультета психологии МГУ Ж.М. Глоzman». Согласно этой, основательно отредактированной версии текста слова Лурии—в расшифровке Левитина, собственной редакции стенограммы магнитофонной записи, и с существенными дополнениями по исходной записи, сделанными Глоzman—таковы: «Я обнаружил совершенно потрясающий факт, что все оптико-геометрические иллюзии разбиваются на две категории: одни уже существуют у всех наших испытуемых, а другие не существуют, включая, очевидно, категориальные компоненты. Я дал Выготскому телеграмму: „У узбеков нет иллюзий!“ на что получил такое очень интересное аффективное письмо от Выготского, которое у меня сохранилось (А. Р. Лурия, 1974/2003, с. 274; ср. Е. А. Лурия, 1994, с. 62)»

проходивших в то время в стране. Так, согласно этой версии, в послании Лурии мог быть вычитан и другой—политический—смысл, из чего бы следовало, что автор послания подразумевал вовсе не оптические иллюзии восприятия, а передавал сообщение о политической неблагонадежности местного населения, о чем Выготский якобы и не преминул незамедлительно сообщить своему соавтору и единомышленнику ответной несколько загадочной, но несомненно резкой «аффективно окрашенной» телеграммой в Среднюю Азию.

Примечательно, что никакого документального подтверждения этого обмена телеграммами нам не известно, а правдоподобность этого эпизода остается в высшей степени сомнительной, в частности в виду содержания доступной нам опубликованной переписки Выготского и Лурии, происходившей между ними в это время (Ясницкий, 2013). Тем не менее, эта легендарная история вошла в золотой фонд отечественной историографии психологии и в виде анекдота широко разошлась в разных вариациях и была неоднократно озвучена на лекциях по истории психологии и даже во время официальных выступлений.

Так или иначе, по возвращении из экспедиций Лурия подвергся жесткой критике за допущенные в ходе исследования политические ошибки, что предопределило судьбу публикации сенсационных научных открытий: долгие годы на протяжении последовавших за среднеазиатскими исследованиями четырех десятилетий результаты этих исследований пролежали без движения в научном архиве Лурии, пока в начале 1970х не были наконец опубликованы.

Таким образом, результаты этих экспедиций, согласно общепринятой точке зрения, можно выразить в двух утверждениях:

1. "У узбеков нет иллюзий!" (с) А.Р. Лурия
2. По политическим мотивам среднеазиатские исследования Лурии попали под репрессивный механизм контроля над наукой в Советском Союзе, что воспрепятствовало их публикации с начала 1930х вплоть до начала 1970х.

Похоже, как первое, так и второе не вполне соответствует действительности:

Как многие знают, в начале 1930х Лурия ездил в экспедицию в Среднюю Азию с тем, чтобы провести там психологические исследования. Как знают немногие, таких экспедиций было две, в 1931 и 1932 году, а во второй из них принимал участие и всемирно известный в то время ученый, немецко-американский психолог, один из ведущих экспериментаторов и теоретиков гештальт-психологического движения Курт Коффка (1886-1941). Еще менее известно то, что как анонсы и краткие сообщения об этих экспедициях, так и предварительные результаты исследований были опубликованы еще в первой половине 1930х, причем сразу на трех языках. И именно из одной из таких публикаций мы и знаем о том выводе, к которому пришел Курт Коффка в ходе своих среднеазиатских исследований: оптические иллюзии у местных узбеков все-таки были!

Историография проблемы

Итальянский исследователь Лучиано Мекаччи (Luciano Mecacci) был, пожалуй, первым, кто обратил внимание на некоторую нестыковку в опубликованных Лурией отчетах о Среднеазиатских экспедициях (Лурия, 1971, 1974) и реальной картиной событий—в частности, участием Курта Коффки и его выводах, полученных в ходе исследований оптических иллюзий у местного населения. Эти нестыковки были обнаружены в середине 1970х в ходе подготовки хрестоматии по истории советской психологии 1917-1936, вышедшей под редакцией Мекаччи в переводе на итальянский в 1976 г. (Mecacci, 1976). Принципиально важной оказалась «находка» английской статьи Лурии 1934 года с фрагментом текста, в виде вставки, с небольшим отчетом Коффки, чье имя было упомянуто в сноске, но при этом его соавторство всей статьи указано не было (см. Luria, 1934). За разъяснениями Мекаччи обратился к ближайшей сотруднице и активному корреспонденту Коффки, Молли Харроуер (Molly Harrower), которая любезно предоставила ему копию письма Коффки с расширенным, но незавершенным отчетом об экспедиции, который Коффка переслал Харроуер в своем письме от 20 сентября 1934 г. Также, Харроуер переадресовала Мекаччи в фонды Архива по истории американской психологии (Archives of the History of American Psychology, АНАР, University of Akron), откуда он с помощью своего коллеги получил копии имеющихся там путевых заметок, протоколов исследований и других неопубликованных архивных документов (Harrower, 1971). Впоследствии многие из этих не опубликованных на ту пору документов были обнародованы в книге Харроуер, которая провела дотошную работу с преимущественно рукописными материалами и опубликовала, в частности, наряду со своими воспоминаниями и обширную переписку с Куртом Коффкой, продолжавшуюся на протяжении нескольких десятилетий (Harrower, 1983).

Так или иначе, в 1975 году Мекаччи обратился к Лурии с копией письма, которое он получил от Харроуер, с просьбой прокомментировать этот эпизод. В ответ Лурия, по словам Мекаччи, подтвердил участие Коффки в экспедиции и сообщил ему, что Коффка принял участие в исследовании с целью подтвердить универсальность законов восприятия в разных культурах, но не перенес груза впечатлений от местного колорита и картин строительства нового мира в Средней Азии: его организм, по описанию Лурии, развил сильный жар (*febbre fortissima*), и Коффка был вынужден преждевременно прекратить свое участие в экспедиции. Некоторые из этих архивных материалов были опубликованы со вступлением Мекаччи в итальянском журнале *Storia e critica della psicologia* в 1980 г. (Mecacci, 1980). В сопроводительном описании Мекаччи не указано, прокомментировал ли Лурия расхождения в данных исследований оптических иллюзий в его публикациях и в отчете Курта Коффки в публикации 1934 года⁵.

⁵ Итак, согласно оригинальному тексту Мекаччи, вся история выглядит следующим образом: «Tuttavia della partecipazione di Koffka alla spedizione nell'Uzbekistan, una partecipazione certo non trascurabile, non vi è cenno nelle opere recenti relative di Lurija (1971, 1974b). Raccogliendo il materiale per un'antologia storica della psicologia sovietica tra il 1917 e il 1936, scoprii l'articolo di Lurija del 1934 e fui sorpreso di trovare che Koffka nientemeno aveva partecipato alla stessa spedizione. Successivamente la stretta collaboratrice di Koffka, Molly Harrower, mi fornì ulteriori notizie e mi trascrisse cortesemente la lettera, qui tradotta, consigliandomi di consultare l'altro materiale inedito presso gli Archives di Akron (procuratomi in seguito da Nino Dazzi durante una sua visita negli Stati Uniti).

Quando nel 1975 consegnai a Lurija una copia della lettera di Koffka alla Harrower, egli mi fornì altri particolari sulla sua partecipazione all' spedizione in Asia. Koffka aveva accettato con grande interesse l'invito a compiere ricerche transculturali sulla percezione. Al di là degli scopi teorici più generali ed anche politici della spedizione (cui

В том же году, что и публикация Мекаччи, в специальном выпуске журнала *Psychological Research* (в прошлом программный гештальтистский журнал *Psychologische Forschung*), посвященном памяти А.Р. Лурии, вышла знаковая статья редактора этого журнала Экарта Шеерера (Eckart Scheerer), озаглавленная

(*Gestalt Psychology in the Soviet Union*) (Scheerer, 1980). В этой статье ее автор предпринял чуть ли не первую попытку систематического анализа взаимоотношений между советской психологией и движением гештальт-психологии. В частности, по интересующему нас здесь вопросу Шеерер сообщил, что Коффка принял участие в экспедиции 1932 года и, хотя и собрал какой-то экспериментальный материал, но заболел и вынужден был прервать свое участие. По поводу экспериментальных данных, Шеерер отмечает, что Коффка полностью так и не опубликовал результатов своих исследований оптических иллюзий в Средней Азии, но в то же время указывает на частичную публикацию выводов Коффки в статье Лурии за 1934 год (Luria, 1934) и ссылается на архивные материалы в фондах Архива по истории американской психологии в Университете г. Акрона. Автор также упоминает то обстоятельство, что ни в русскоязычной, ни в переводной публикации Лурии (1974, 1976) участие Коффки в экспедиции упомянуто не было, но не вдается в подробности детального обсуждения содержания опубликованного краткого отчета Коффки за 1934 год и его расхождений с версией Лурии. Обсуждение этого эпизода Шеерер осторожно завершает настойчивым указанием на то, что история участия Коффки в среднеазиатской экспедиции Лурии требует дальнейшего детального исследования (Scheerer, 1980, p. 117)⁶.

Следующая значительная попытка обсудить результаты транснационального исследования Лурии-Коффки была предпринята в классической, программной книге ван дер Веера (René van der Veer) и Валсинера (Jaan Valsiner), остающейся лучшей биографией Выготского вплоть до наших дней (van der Veer & Valsiner, 1991). Авторы посвятили целую главу обсуждениям перипетий среднеазиатских экспедиций (см. гл. 10, *The Expeditions to Central Asia*, с. 242-255). При сравнительно незначительном количестве доступных в ту пору источников, но при опоре на уже обнародованные документы (например, Harrower, 1983), авторам удалось воспользоваться целым рядом малоизвестных или вообще неопубликованных материалов, как, например, переписка Лурии с Выготским и с Вольфгангом Кёлером, и дать вполне подробный набросок

si accenna nella lettera), Koffka vedeva in questa impresa un'occasione importante per verificare la universalità delle leggi dell'organizzazione percettiva in popolazioni umane differenti. Tuttavia, come ricordava Lurija, l'impatto di Koffka con il mondo asiatico e la nuova società comunista divenne sempre più faticoso e Koffka si ritirò ben presto dalla spedizione per l'insorgere di una febbre fortissima. Ricordo che Lurija interpretava la febbre come la somatizzazione del disagio di Koffka per un mondo così nuovo e diverso più di quanto si fosse aspettato».

⁶ В оригинале весь этот фрагмент выглядит так: «Let me first mention Kurt Koffka's participation in Luria's Second 'Psychological Expedition' to Central Asia (1932). In his brief report on the First Expedition Luria announced that foreign psychologists would be invited to join (Luria, 1931), but Koffka was the only foreign psychologist who actually took part in the venture. In preparation for the expedition, seminars were held in Moscow and Samarkand (May/June, 1932), and Koffka lectured in German on 'The Overcoming of Mechanistic and Vitalistic Tendencies in Modern Psychology' (subsequently published in Russian in the journal 'Psichologia'; Koffka, 1932) and on 'The Concept of Behavior in Gestalt Psychology' (Archives of the History of American Psychology, Koffka Papers, Folder M 377). But the expedition itself ended in a disaster for Koffka. He was able to collect some data on optical illusions in the Uzbeks (Luria, 1934; Koffka Papers, Folder M 377), but he then contracted 'relapsing fever' (malaria?), and his hosts had a difficult time bringing him out of the remote area of Uzbekistan (Eisen, 1942; Harrower, 1942). Koffka never published the results of his investigations in full, and Luria does not even mention Koffka's participation in his account published more than thirty years later (Luria, 1974/76). The history of Koffka's participation in the expedition remains to be investigated in detail.»

истории двух экспедиций Лурии в Среднюю Азию и, что особенно важно, обсудить конфликтующие версии результатов исследования восприятия и оптических иллюзий в работах Лурии и Коффки. По этому поводу ван дер Веер и Валсинер высказываются следующим образом:

Таким образом, мы видим, что Коффка на основе полученных им данных исследования категорически отрицал изначальные выводы Лурии: «примитивные» узбеки все-таки испытывали оптические иллюзии, такие как иллюзия Поггендорфа, и видели перспективу в изображениях на плоскости. К превеликому сожалению—вне зависимости от ценности выводов Лурии и Коффки о культурной и физиологической основе иллюзий восприятия—Лурия (1974, 1976) проигнорировал эти конфликтующие интерпретации в своей монографии. Обсуждение того, почему Коффка не смог реплицировать его изначальные результаты, могло бы инициировать интересную дискуссию о различных способах проведения этнографических исследований—к примеру, ремарка Коффки о роли установки (отношения) испытуемого по отношению к экспериментатору была весьма существенной [...]—и могло бы нейтрализовать последствия демонстрации красивой, но чрезмерно упрощенной истории о том, что у узбеков нет иллюзий, и т.п.⁷ (van der Veer & Valsiner, 1991, p. 250).

К сожалению, в интерпретации вероятных причин, почему это исследование Лурии не было опубликовано вплоть до начала 1970х авторы книги полагаются на традиционную советологическую историографию периода Холодной войны и потому чрезмерное внимание уделяют предположительно негативному влиянию социальных процессов в СССР того времени, в частности коллективизации и раскулачиванию. В то же время, ван дер Веер и Валсинер основательно преувеличивают роль критики исследований Лурии в публикациях того времени (например, в критической статье Размыслова, опубликованной в библиографическом журнале за 1934 год), а с другой стороны совершенно игнорируют широкий международный и политический контекст эпохи и выпускают из внимания стремительный рост популярности ультра-националистических движений и политических партий в Европе — наиболее существенно, победу на выборах в немецкий Рейхстаг в 1932 г. и приход к власти в Германии в начале 1933 г. гитлеровской партии национал-социалистов. Именно эти процессы, как мы это понимаем сейчас, и вызвали к жизни — в качестве реакции на подъем европейского национализма — кампании по борьбе с «националистическими перегибами» во внутренней политике Советского Союза и, таким образом, послужили причиной критики исследований Лурии, которые — вопреки убеждениям и открытым декларациям этого исследователя и его сотрудников — позволяли тем не менее сделать вывод о существовании интеллектуального и психологического превосходства одних национальностей перед другими в многонациональном Советском государстве.

В заключение историографического обзора, в этом контексте нельзя не упомянуть казалось бы программную статью Виктора Нелла (Victor Nell) *Luria in Uzbekistan: the*

⁷ В оригинале: «We thus see that Koffka on the basis of his data flatly denied Luria's initial conclusions: the "primitive" Uzbekis did succumb to optical illusions like the Poggendorf illusion and were able to see perspective in drawings. It is rather unfortunate—quite apart from the value of both Luria's and Koffka's conclusions about the cultural and physiological basis of illusions—that Luria (1974; 1976) ignored these conflicting interpretations in his monograph. Discussion of Koffka's failure to replicate his initial results might have started an interesting debate on the various ways of conducting this type of ethnographic research—Koffka's remark about the role of the subjects' attitude toward the experimenter, for example, was quite relevant [...]—and would have countered the effects of the beautiful but oversimplified story about the Uzbekis not having illusions and the like».

vicissitudes of cross-cultural neuropsychology (Лурия в Узбекистане: Судьба кросс-культурной нейропсихологии), специально посвященную среднеазиатским исследованиям Лурии начала 1930х (Nell, 1999). Автору удалось представить подробную и детализированную картину событий, подкрепленную множественными ссылками на оригинальные публикации и историографические спекуляции, выполненные преимущественно в ключе историографии «репрессированной науки» (см., например, ссылки на публикации М. Коула, А. Козулина или Дж. Нокс). И в то же время, автор «проглядел» не только предшествовавшие публикации Мекаччи (1980), Шеерера (1980), Харроуер (1983) и ван дер Веера и Валсинера (1991), но и вообще — сам факт существования второй среднеазиатской экспедиции Лурии 1932 года и, соответственно, участия в ней Курта Коффки. Это обстоятельство примечательно тем более, что заметка Лурии под названием *The second psychological expedition to Central Asia* (Luria, 1933) фигурирует в списке цитированной литературы в обсуждаемой здесь публикации, хотя автору при этом удалось не сослаться на нее в тексте самой статьи. Все эти черты данной публикации, к сожалению, в значительной степени обесценивают исследование Нелла как работу по истории среднеазиатских экспедиций Лурии 1931 и 1932 годов.

Среднеазиатские экспедиции: 1931 и 1932⁸

Изначально идея проведения экспериментальных исследований влияния культурных сдвигов, вызванных модернизацией и индустриализацией послереволюционного времени, на психические процессы, возникла впервые, по всей видимости, у Выготского во время его поездки в Среднюю Азию весной 1929 года по приглашению из Средне-Азиатского государственного университета (САГУ) в городе Ташкенте. В начале апреля Выготский отбыл в Ташкент, Узбекистан (Выгодская & Лифанова, 1996, р. 131) и пробыл там приблизительно месяц до начала мая⁹. Тем не менее, за столь недолгий срок пребывания в Средней Азии Выготский начал экспериментальную работу в местных условиях. «Я ставлю опыты, надеюсь привезти кое-что» (Выготский & Пузырей, 2004, р. 16), «кое-какие опыты ставим, но не знаю, удачно ли» (Выготский & Пузырей, 2004, р. 17), - писал Выготский в своих письмах Лурии из Ташкента.

Мы пока еще ничего не знаем ни о ходе этих экспериментов в Средней Азии, ни об их результатах, но уже через полгода после краткосрочной азиатской поездки Выготского проект продолжения этого исследования приобрел, по всей видимости, конкретные очертания. Так, уже в декабре 1929 года Лурия пишет Курту Левину о том, что их с Выготским посетила идея провести психологическое исследование «примитивных народов» Сибири или Центральной Азии, при этом предполагалось, что большая экспедиция состоится летом 1931 г. В то же время, очевидно, на ту пору у Лурии и его единомышленников не было ясного представления о том, какая организация могла бы быть заинтересована в проведении, и, соответственно, финансировании таких исследований. Лурия предполагает, что Академия наук СССР или Институт востоковедения могли бы поддержать такой проект, но при этом, скорее всего, лишь частично финансировать его. Проблема организационной поддержки и финансирования экспедиции составляла, похоже, одну из наиболее существенных трудностей в организации подобного исследования, и Лурия обращается к Левину с вопросом, не известны ли тому какие-либо административные структуры в Германии, потенциально способные спонсировать этот проект, хотя бы на треть. Поддержка иностранных учреждений кажется Лурии в конце 1929 г. возможным выходом из сложившегося сложного финансового положения, и он рассчитывает также на помощь каких-либо немецких и американских институтов или швейцарского Международного бюро по просвещению (Bureau International d'Education, International Bureau of Education) под руководством Жана Пиаже (Jean Piaget), незадолго до этого назначенного на пост директора этой организации, ставшей, в конечном счете, одним из организационных прототипов ЮНЕСКО (UNESCO; основана лишь после Второй мировой войны, 16 ноября 1945 года). По этой причине Лурия раздумывает, каких из западных специалистов стоило бы привлечь к участию в этом проекте. За советом он обращается к Левину, и размышляет о том, чтоб пригласить европейских антропологов Эриха Хорнбостеля (Erich von Hornbostel), Рихарда Турнвальда (Richard Thurnwald) или кого-нибудь из американской

⁸ Эта секция статьи использует материалы другой статьи этого же автора, вышедшей недавно в

(*PsyAnima, Dubna Psychological Journal*) (Ясницкий, 2012).

⁹ Из писем Выготского: «1-5 мая буду в Москве» (А.Н. Леонтьеву, от 15 апреля, из Ташкента) (Выготский & Пузырей, 2004, pp. 14-15) и «собираюсь не позже 2-го мая в Москву, так что через 2-3 дня вслед за этой открыткой жди меня» (Лурии, недатированная открытка из Ташкента) (Выготский & Пузырей, 2004, р. 17)

команды Франца Боаса (Franz Boas), например, Отто Клайнберга (Otto Klineberg)¹⁰. В настоящее время нам ничего не известно о том, были ли на самом деле посланы приглашения этим ученым, как то планировал Лурия. Так или иначе, Левин от участия в экспедиции отказался, и вообще, планы по привлечению иностранных специалистов к участию в этой экспедиции не увенчались успехом. Таким образом, летом 1931 года экспедиция прошла при участии только советских исследователей из Москвы и Узбекистана и, очевидно, при поддержке только советских институций, что совершенно неудивительно в свете мирового финансового кризиса, разразившегося в конце 1929 года во всех индустриально развитых странах.

Судя по всему, результаты этого исследования показались Лурии и Выготскому настолько интересными и многообещающими¹¹, что по завершении экспедиции 1931 г. ее организаторы начали планировать продолжение исследования культурного развития «примитивных народов» в процессе коллективизации и культурной революции. Вторая фаза исследования должна была пройти летом следующего, 1932 года. Подготовка ко второй экспедиции в Среднюю Азию была основательна. Так, во-первых, отчеты об успехах первой экспедиции 1931 года и сообщения о предстоящей второй психологической экспедиции в Среднюю Азию были растиражированы организатором экспедиции Лурией и опубликованы за рубежом в виде целой серии статей на двух языках, английском и немецком, в таких ведущих журналах как *Science* (Luria, 1931a), (Luria, 1931b), *Journal of Genetic Psychology* (Luria, 1932a) и *Character and Personality* (Luria, 1932b). Достаточно легко угадываются цели, которые преследовал Лурия, оповещая западную аудиторию о ходе исследований: экспедиция изначально задумывалась как масштабное международное исследование при участии крупнейших западных ученых, таким образом, эти публикации ставили своей целью разрекламировать новый проект и, по всей вероятности, привлечь к участию в нем иностранных специалистов. Параллельно с публикацией отчетов, Лурия продолжал активную переписку с западными учеными, в надежде заинтересовать их новым проектом и заручиться их согласием принять в нем участие. Совершенно очевидно, что особое место в планах Лурии занимали ведущие представители гештальтпсихологии.

Как мы уже видели, Лурия приглашал к участию в первой экспедиции Курта Левина, но который в любом случае не смог бы принять участия в экспедиции летом 1932 г. из-за приглашения провести первый семестр 1932/33 учебного года в Калифорнии, в Стенфордском университете (Stanford University) (Marrow, 1969, p. 65). Другими корреспондентами Лурии и кандидатами на участие во второй среднеазиатской экспедиции были Вольфганг Кёлер (Wolfgang Köhler) и Курт Коффка (Kurt Koffka).

¹⁰ Из письма Лурии Левину от 12 декабря 1929 г.: «Wir haben mit Vygotski eine Idee einer grossen Expedition zu den primitiven Völkern in Sibirien oder in Südasien; die Expedition soll u.a. psychologische Probleme lösen, die wir vorbereiten können; es wäre am besten sie im Sommer 1931 durchmachen. Wollen Sie an der Expedition teilnehmen? Ich glaube, unsere Akademie oder das Institut für Ethnologie des Ostens werden teilweise die Expedition unterstützen; ich möchte auch die Amerikaner - vielleicht jemanden von Boas (Klineberg?) einladen. Wenn wir von einem deutschen und einem Amerikanischen Institut (vielleicht auch - den Bureau von Piaget) eine Teilunterstützung der Expedition bekommen könnten, - wäre es möglich wirklich sehr schöne Dinge zu machen. Schreiben Sie mir 1) ob Sie die Einladung zu der Teilnahme in der Expedition annehmen werden, 2) ob wir auf eine Unterstützung (ungefähr an 1/3) von einer deutschen Instanz, die in einer internationalen Expedition interessiert ist - rechnen könnten? Vielleicht können wir mit Ethnologen - Hornbostel, Thurnwald sprechen?»

¹¹ См., например, по выражению Лурии, «интересные», «аффективные» (А. Р. Лурия, 1974/2003, с. 274), «аффективно окрашенные» (Е. А. Лурия, 1994, с. 62) письма Выготского к Лурии от 20 июня, 11 июля и 1 августа 1931 года (Выготский & Пузырей, 2004, pp. 31-34). Характерные выдержки из этих писем опубликованы в (Ясницкий, 2013).

В архиве Вольфганга Кёлера сохранилось лишь два письма Лурии того времени, из которых, тем не менее, следует, что оба корреспондента по всей видимости были связаны личным знакомством, завязавшимся, предположительно, во время IX психологического конгресса 1929 года, и имели более или менее регулярную переписку. В начале декабря 1931 г. Лурия отправил Кёлеру письмо, содержащее весьма подробный отчет о ходе его среднеазиатской экспедиции лета 1931 г. и о предварительных результатах психологического исследования, проведенного в ходе этой экспедиции. Половину этого письма от 3 декабря 1931 года, занимает описание исследований восприятия и, в частности, здесь Лурия сообщает Кёлеру и о результатах исследования оптических иллюзий. Эти результаты свидетельствуют о том, что хотя у узбеков и есть иллюзии, но, по выражению Лурии и Выготского у «примитивных», т.е. неграмотных и социально неактивных узбекских крестьян-единоличников и узбечек-домохозяек они встречаются реже, чем у малограмотных колхозных активистов и эмансипированных узбечек, по классификации Лурии, за 2-3 месяца до этого отказавшихся от ношения паранджи и получивших базовые навыки чтения и письма. Затем Лурия приводит статистические данные, полученные в ходе экспедиции лета 1931 года (см. Иллюстрацию 1).

Statistik, die wir jetzt haben zeigt, dass je die Gruppe primitiver ist, desto mehr fallen die g.-opt. Täuschungen dieser letzter Sorte aus. Die Resultate sehen summarisch aus (in % des vorhandenen Maximums Täuschungen)

Versuchs personen $\frac{K\%}{100}$	Zahl von 10 Versuchen	\rightleftharpoons	$\begin{matrix} \circ & \circ & \circ & \circ \\ \circ & \circ & \circ & \circ \end{matrix}$
Schülern von einer Normalabteilung 12-17 Jahre, <u>kybeken</u> (n=38)	66,2%	89,4%	92,1%
Kybeken aus den Dörfern, geacht. hauptsächlich aktiv (hauptsächlich aus den kollektiv. Dörfern) (n=40)	65%	100%	85%
Frauen von den Analphabeten. Kurze, kulturell zurückgeblieben, (n=20) teilweise 2-3 Monate ohne „Arbeits“ (Schleier) gehen.	54,8%	92%	64%
Frauen von sehr primitiven Dörfern im Gebirge (n=25)	36,8%	95,8%	<u>26,6%</u> !
Frauen von „Jekani“ (Frauenteil der gescheit. seiner kybekischen Häusern) sehr zurückgeblieben (n=10)	<u>26,6%</u> !	<u>66,6%</u>	33,3%

Ich schrieb Ihnen über diese Statistik (obwohl ich selbst von der Statistik nicht zu viel halte) nur weil mir die Resultate ganz merkwürdig scheinen, erlesen zeigen sie dass nicht alle Täuschungen auf denselben psychologischen Gesetzen beruhen und - vielleicht nicht in demselben Maße physikalisch zu deuten sind (3) und zweitens - weil die Statistik eine sehr große Gesetzmässigkeit (wie man in anderen Versuchen) zeigt: die Täuschungen scheinen eine Funktion der kulturell hochgradig entwickelten Psyche zu sein. Ich bin in diesen allen Resultaten selbst noch nicht ganz überzeugt, mir kommt das alles in dem Maße interessant vor, indem es die Tatsache der Wahrnehmung als eines Produkts der Entwicklung zeigt. Da aber viele Versuche dieser Täuschungen schon beim Kleinkinde, teilweise bei Tieren (?) beobachtet, sind mir diese Resultate noch nicht ganz klar, und ich möchte sehr gerne Ihre Meinung davon wissen.

Jetzt komme ich zu dem praktischen Teil meines Briefes.

Ich möchte Ihnen einen Vorschlag machen. Wollen Sie an der zweiten Psychologischen Expedition nach Zentral-Asien, im Sommer 1932 teilnehmen? Ich glaube dass es uns gelingen wird, eine zweite Expedition anzuordnen und sie soll einen internationalen Charakter haben. Als Grundaufgabe soll

Иллюстрация 1. Фрагмент из письма Лурии Келеру от 3 декабря 1931 года (страница 3 из 4) с отчетом о результатах исследования оптических иллюзий в первой среднеазиатской экспедиции, прошедшей летом 1931 года.

В том же письме Лурия сообщает Кёлеру и о своих исследовательских планах на будущее¹²:

Здесь я перехожу к практической части моего письма. Я хочу сделать Вам предложение. Не хотели бы Вы принять участие во второй экспедиции в Среднюю Азию летом 32 г.? Я думаю, что нам удастся такую экспедицию организовать, и она будет иметь интернациональный характер...

Если бы Вы захотели поехать с нами, то Вы получили бы двух (или больше) помощников, из которых один – русский, говорящий по-немецки (это мог [бы] быть доктор Выготский или кто-нибудь из Москвы) – и один узбек, который владеет русским и всегда был бы у Вас под рукой...

Я вполне убежден – если нам удастся провести эту экспедицию – мы можем многое сделать для психологии.

Я надеюсь также на участие гг. Левина и Коффки. Может быть, стоит пригласить также проф. Турнвальда? (цит. по Е. А. Лурия, 1994, pp. 63-64)¹³.

В попытке заинтересовать Кёлера принять участие в экспедиции Лурия заверяет его, что поездка для иностранного специалиста полностью покрывается финансированием советских организаций, в частности, Академией наук Узбекистана¹⁴, и более того, сообщает, что Кёлеру в Советском Союзе полагается гонорар порядка двух тысяч рублей за две лекции, которые он там прочтет, и за его предстоящую публикацию в Советском Союзе. Этого гонорара, по оценке Лурии, с лихвой должно было хватить Кёлеру на все сопутствующие и дорожные расходы. Тем не менее, несмотря на, казалось бы, заманчивость предложения Лурии, Кёлер по той или иной причине вынужден был отказаться от участия в экспедиции летом 1932 г., в ответ на что Лурия весной 1932 г., т.е. еще до начала второй экспедиции, пригласил Кёлера к участию к продолжению исследования в ходе планировавшейся третьей экспедиции летом 1933 года. Вторая экспедиция, по словам Лурии, должна была стать лишь менее значительной, предварительной, с одной стороны, ставящей своей целью проверку данных, полученных в ходе первой экспедиции, и, соответственно, с другой стороны, подготовительной к следующей, наиболее масштабной третьей экспедиции летом 1933 г.¹⁵ Трудно сказать,

¹² В русском переводе это письмо со значительными купюрами было опубликовано Е.А. Лурия в биографии ее отца, Александра Романовича Лурия (Е. А. Лурия, 1994)

¹³ В оригинале присьма Лурии Кёлеру от 3 декабря 1931 г. (некоторые купюры опубликованного русского перевода здесь восстановлены): «Jetzt komme ich zu dem praktischen Theil meines Briefes. Ich möchte Ihnen einen Vorschlag machen. Wollen Sie an der zweiten Psychologischen Expedition nach Zentral-Asien, im Sommer 1932 teilnehmen? Ich glaube dass es uns gelingen wird, eine zweite Expedition an[z]uordnen und sie soll einen internationalen Charakter haben... Wenn Sie mitgehen moechten, so bekommen Sie zwei (oder mehrere) Mitarbeiter, von denen ein Russe, der deutsch spricht (das kann Dr. Vygotski oder jemand aus Moskau sein) und ein Uzbecke, der Russisch beherrscht und der Ihnen immer zur Hand stehen wird. Die Expedition soll Ihnen nichts kosten. Alle Kosten übernehmen unsere wissenschaftliche Institute, teilweise - Akademie der Wissensch. des Uzbeckistans. Sie werden eine Einladung für 1-2 Vorträge bekommen, und das wird noch mit ca. 1000 Rbl. bezahlt. Dann haben Sie hier noch ca 1000 Rbl. (ich weiss nicht genau) als Honorar für Gestalt-Psychology (die im Winter erscheinen wird) und das wird ganz genug für alles sein. Ich bin ganz ueberzeugt, dass - wenn diese Expedition uns gelingen wird - wir vieles für die Psychologie machen können werden. Ich hoffe, dass auch Herr Lewin und Koffka mitgehen. Vielleicht würde es auch gut sein Prof. Thurnwald ein[z]uladen?»

¹⁴ Неясной остается ссылка на «Академию наук Узбекистана» (Akademie der Wissensch. des Uzbeckistans): такая организация была основана лишь в 1943 г., в свою очередь, этому событию предшествовало создание Филиала Академии наук СССР в Узбекистане в 1940. Вероятно, Лурия имел в виду Научный Комитет Узбекской ССР, учрежденный в Ташкенте в 1932 г., и ставший впоследствии организационной основой для филиала Академии наук и, собственно, Академии наук Узбекской ССР.

¹⁵ Из письма Лурии Кёлеру от 6 марта 1932 г., отправленного из Харькова (письмо написано на бланке Украинского государственного психоневрологического института): «Es tut mir sehr leid, dass Sie nicht

насколько это приглашение Кёлеру отражало реальные планы и договоренности между учеными и вышестоящими организациями-спонсорами. Так или иначе, масштабному исследованию 1933 года не суждено было состояться, и вторая экспедиция в Среднюю Азию оказалась и последней. Хотя ни Курт Левин, ни Вольфганг Кёлер так и не приняли участие в среднеазиатских исследованиях Лурии, тем не менее вторая экспедиция действительно оказалась международной, причем не только за счет участия смешанной московско-узбекской команды: летом 1932 года в состав экспедиции Лурии в Узбекистан вошел другой немецко-американский ученый мирового класса. Это был один из основателей гештальт-психологии, на ту пору профессор массачусетского Смит колледжа (Smith College), Курт Коффка.

Предшествующая второй экспедиции переписка между Лурией и Куртом Коффкой, которая дала бы нам представление о ходе переговоров и подготовки к путешествию в Узбекистан, в архиве Курта Коффки не сохранилась. Из переписки Лурии и Левина мы лишь знаем, что весной 1932 вопрос о второй экспедиции и участии в ней Коффки был решен, хотя и оставались неясности относительно маршрута. Лурия рассматривал два основных варианта—Сванетия, на Кавказе или Средняя Азия—и, как мы знаем, в конечном счете остановился на втором¹⁶. Так или иначе, Курт Коффка действительно принял участие в ходе второй экспедиции в Среднюю Азию в 1932 году (см. хронологию основных событий экспедиции в Таблице).

По пути в Узбекистан Коффка на некоторое время остановился в Москве, где, помимо всего прочего, в местном Институте психологии 29 мая 1932 г. сделал доклад на тему *Die Überwindung des Mechanismus in der modernen Psychologie* (Преодоление механизма [т.е., механицизма] в современной психологии)¹⁷. Стенограмма доклада в несколько сокращенном виде была опубликована в журнале «Психология» за 1932 г. Также, в духе времени несколько видоизменился и заголовок: в русском переводе статьи Коффки о преодолении механизма появилось также и упоминание другой крайности — витализма, и текст доклада вышел под названием «Преодоление механистических и виталистических течений в современной психологии» (Коффка, 1932). К слову, именно тогда, во время своего визита в Москву, Коффка, по собственному признанию, и познакомился с Выготским, который выступил в качестве переводчика его доклада, прочитанного на немецком языке¹⁸. Впечатление от встречи с Коффкой с очевидностью

imstande sind mit uns nach Mittelasien zu kommen. Daher haben wir folgendes entschlossen: die grosse Expedition verlegen wir zum Sommer 1933, - vielleicht wird es Ihnen gelingen dann mitzugehen! Dieses Jahr findet eine kleine, preliminäre Forschungsreise nach Samarkand statt. Koffka, Vygotski und ich werden den 1. Juni abfahren und kehren im August zurück. Wir werden Samarkand und naheliegende Gegenden besuchen und werden am Ort die Ergebnisse der 1 Expedition prüfen und die nächste vorbereiten. Die Hauptversuche werden mit dem Denken und Konstruktion einfacheren psychologische Prozesse in der primitiveren historischen Schicht zu tun haben, ja auch mit dem Umbau der Persönlichkeit im Laufe der Rekonstruktion des sozialen Milieus. Wenn Sie Vorschläge für diese Reise haben möchten, würden wir uns sehr freuen. Vielleicht besprechen Sie das mit Koffka, er wird ja in Berlin den 17-18 Mai sein; denn er glaubt an 11 Mai Amerika zu verlassen».

¹⁶ Из письма Лурии Левину от 9 апреля 1932 г.: «Ich erwarte ausserordentlich viel von unser Reise mit Herrn Koffka: wir haben jetzt zwei Varianten - eine Kaukasus - Expedition nach Swanetien (ein sehr interessantes Land in Hochgebirge, von der Welt ganz abgeschnitten) und die Mittel-Asiatische Reise; die nächste Wochen werden uns eine Entscheidung geben, welcher von der Beiden gewählt wird. Grüßen Sie Herrn Koffka recht herzlich und sagen Sie ihm, dass wir auf ihn warten!»

¹⁷ Текст доклада хранится в архиве Курта Коффка (АНАР, Akron, OH).

¹⁸ Из письма Коффка к Харроуер (Molly Harrower) от 30 мая 1932 г.: «The first two evenings I spent in theatres[:] the first in the grand Opera and the second in one of the theatres of the Moscow Art Theatre. Both very excellent performances, both theatres filled to capacity. Last night was the longest performance of all, my lecture at the State Institute of Psychology. It had been scheduled for 7 pm, but did not start till 7.30, there were quite 300

произвело такое большое впечатление на Выготского, что тот впоследствии не менее трех раз по разным поводам упоминал доклад Коффки в своих докладах и письменных работах (см. Ясницкий, 2013). Богатый материал, отражающий впечатления Курта Коффки от поездки содержится в его переписке с его ученицей Молли Харроуер (Molly Harrower), впоследствии опубликовавшей путевые заметки и воспоминания Коффки по материалам экспедиции в отдельной главе «The Russian-Uzbekistan Expedition» ее книги *Kurt Koffka: an unwitting self-portrait* (Harrower, 1983, pp. 143-164). Собственно говоря, именно с опорой на богатые материалы этой переписки и путевых заметок и удалось восстановить в подробностях хронологию и маршрут экспедиции в Среднюю Азию 1932 года (см. Таблицу с хронологией основных событий экспедиции).

Год, Дата, День недели	Событие	Источник, публикация
1932, 11 мая, среда	Предположительная дата отъезда Коффки из Америки	См. письмо Лурии Кёлеру от 6 марта 1932 г.
18 мая, среда	Коффка прибыл в Берлин	Письмо Коффки Харроуер от 22 мая 1932 г. (см. ниже)
27 мая, пятница	Коффка прибыл в Москву	Письмо Коффки Харроуер от 30 мая 1932 г. (см. ниже)
29 мая, воскресенье	Доклад Коффки на тему <i>Die Überwindung des Mechanismus in der modernen Psychologie</i> (Преодоление механизма [т.е., механицизма] в современной психологии)	Архив Коффки, архив по истории американской психологии. Впоследствии доклад был опубликован как: Коффка, К. (1932).
1 июня, среда	Отбытие из Москвы, начало второй экспедиции: «A sunny afternoon on the first of June in Moscow. I am at the Kasan station, to leave with three Russian colleagues for our expedition to Central Asia...»	Из воспоминаний Коффки о поездке; письмо к Харроуер от 20 сентября 1934 г. Опубликовано в Harrower, M., 1983, p. 156. См. также план второй экспедиции в письме Лурии Кёлеру от 3 декабря 1931.
5 июня, воскресенье	Прибытие в Ташкент, начало первой фазы среднеазиатской части экспедиции (Ташкент): «We had arrived in Tashkent late in the afternoon on Sunday.»	Из воспоминаний Коффки о поездке; письмо к Харроуер от 20 сентября 1934 г. Опубликовано в Harrower, M., 1983, p. 163.

people in the audience, filling the whole room + gallery. Most of them understood German, but since a good many did not, Professor Vigotski, a most charming man, acted as my interpreter. I talked for about 5-10 minutes + then he gave the most fluent translation you can imagine, he talked much more fluently than I, + it seemed to me for a much longer time. [...] My topic last night, which I forgot to mention, was: “Die Überwindung des Mechanismus in der Modernen Psychologie”. (I don’t know an English equivalent for Überwindung)». И далее, из письма Коффка к Харроуер от 29 июля 1934 г.: «...A letter from Luria, a very nice one. His best friend, the charming Vygotski has died of tuberculosis. I liked him tremendously when I met him in Moscow and was very sorry when he could not join the expedition. He has written a long introduction to the Russian edition to the Growth of the Mind[,] which appeared a month before his death with a second, as Luria says, rather superfluous introduction by Kolbanowsky, the head of the Psych. Lab. in Moscow”.

		См. также план второй экспедиции в письме Лурии Кёлеру от 3 декабря 1931.
9 июня, четверг	Переезд из Ташкента в Самарканд, начало второй фазы среднеазиатской части экспедиции (Самарканд): «We left [Tashkent] early on the following Thursday on the train to Samarkand. [...] In the evening we arrived at Samarkand station from where it is a fairly long drive to the city and the hotel.»	Из воспоминаний Коффки о поездке; письмо к Харроуер от 20 сентября 1934 г. Опубликовано в Harrower, M., 1983, p. 163-164. См. Также план второй экспедиции в письме Лурии Кёлеру от 3 декабря 1931.
15 июня, среда	<i>(Behaviour in Gestalt Psychology)</i> . Лекция, изначально прочитанная в Стэнфордском университете в среду, 7 августа 1929 года. Прочитана на немецком языке в [Педагогической] Академии в Самарканде в среду, 15 июня 1932 г. (в сопровождении перевода Лурии).	Архив Коффки, архив по истории американской психологии.
16 июня, четверг	Отбытие из Самарканда и начало третьей фазы второй среднеазиатской экспедиции (1932): путешествие в отдаленные районы восточного Узбекистана (Фергана и ее окрестности; селение Палман под Ферганой). Согласно изначальному плану, отбытие из Самарканда—20 июня, 1932.	Письмо Коффки к Харроуер от 22 июня, 1932. См. также план второй экспедиции в письме Лурии Кёлеру от 3 декабря 1931.
1 июля, пятница	Начало четвертой (и последней) фазы среднеазиатской части экспедиции: отбытие из Ферганы в Шахимарданский эксклав, посёлок Шахимардан	Письмо Коффки к Харроуер от 14 и 16 июля, 1932. Опубликовано в Harrower, M., 1983, pp. 150-152 & p. 29
3 июля, воскресенье	Первые признаки заболевания у Коффки: первый приступ болезни: «We went up to Shaki Marden on Friday [i.e., July 1], Sunday [July 3] I had my first attack....»	Письмо Коффки к Харроуер от 14 и 16 июля, 1932. Опубликовано в Harrower, M., 1983, pp. 150-152 & p. 29
6 и 9 июля, среда	Второй и третий приступ болезни, Коффка возвращается из Шахимардана в Фергану: «.... On the following Wednesday [July 6] the second somewhat lighter. On the following Sunday [July 9] my third and worst. As a consequence I insisted on being brought down to Fergana for hospital examination and treatment....»	Письмо Коффки к Харроуер от 14 и 16 июля, 1932. Опубликовано в Harrower, M., 1983, pp. 150-152 & p. 29.
Между 3 и 9 июля	Коффка начинает писать свою книгу,	Письмо Коффки к Харроуер

	опубликованную впоследствии под названием <i>Principles of Gestalt Psychology</i> (1935), и завершает первую главу книги: «...And so between malaria days or even on them when the fever had subsided I wrote what is to be a first chapter of a book on psychology for such students and laymen as have an interest in the subject without wanting to specialize in it...»	от 14 и 16 июля, 1932. Опубликовано в Harrower, M., 1983, pp. 150-152 & p. 29
15 июля, пятница	Четвертый задокументированный приступ болезни, принято решение о возвращении Коффки (в Америку по транзитному маршруту Фергана-Ташкент-Москва-Берлин): « ...Fate is against me. I had a rather bad attack yesterday [July 15] which made the doctor decide in favor of me going to Moscow and Berlin...»	Письмо Коффки к Харроуер от 14 и 16 июля, 1932. Опубликовано в Harrower, M., 1983, pp. 150-152 & p. 29.
17 июля, воскресенье	Предполагаемая дата отъезда Коффки: « ...So I am supposedly leaving tomorrow night [July 17]...»	Письмо Коффки к Харроуер от 14 и 16 июля, 1932. Опубликовано в Harrower, M., 1983, pp. 150-152 & p. 29.
Не позднее 29 июля, пятница	Коффка прибыл в Берлин.	Письмо Коффки к Харроуер от 29 июля, 1932. Опубликовано с купюрами в Harrower, M., 1983, pp. 152-154.
1 августа, понедельник	Предполагаемое завершение среднеазиатской части экспедиции Лурии-Коффки и отбытие ее участников в Москву.	См. план второй экспедиции в письме Лурии Кёлеру от 3 декабря 1931.
	Cf. «Otherwise you will know that I'm perfectly alright and enjoying the remaining fortnight or so [i.e., until, roughly, July 28] in the mountains of Asia.»	Письмо Коффки Харроуер от 14 (закончено 16) июня, 1932 (см. выше).

Таблица. Хронология основных событий экспедиции Лурии-Коффки в Среднюю Азию в 1932 г. (таблица создана на основе хроники событий периода 1929-1935 годов, в развернутом виде представленной в выдержках из писем и документов в Ясницкий, 2013).

Таким образом, как мы видим, вся экспедиция проходила в июне и июле 1932 г. Экспедиция началась отбытием из Москвы в Ташкент (1 июня), и после небольшой задержки в Ташкенте (5-9 июня) разворачивалась в Самарканде (недельный установочный семинар 9-16 июня при участии смешанной команды в составе Курта Коффки, трех московских—Лурия, Шемякин и Мордкович—и группы узбекских исследователей из

местной Педагогической академии под руководством П.И. Левентуева). По окончании семинара в Самарканде расширенная команда исследователей отбыла в отдаленные районы Восточного Узбекистана: сначала в сравнительно «культурную», по большей части прошедшую массовую коллективизацию Ферганскую долину (16 июня-1 июля), а затем и горные районы Шахимарданского эксклава Узбекистана (с 1 по конец июля) с преимущественно традиционным населением, не прошедшим коллективизации и активно сопротивлявшимся экономическим и социальным нововведениям большевиков. Так, к примеру, всего за два года до начала первой экспедиции в том самом селении Шахимардан, куда направлялась экспедиция, за его антиисламскую деятельность был убит (по исламскому обычаю, побит камнями) узбекский поэт и большевистский активист и общественный деятель Хамза Хакимзаде Ниязи (1889-1929). В этом контексте примечательно то обстоятельство, что, согласно сообщению Коффки, их экспедицию в Шахимардан сопровождал в том числе и начальник республиканского ГПУ (Ясницкий, 2013). Данные, собранные в этих двух районах Восточного Узбекистана и должны были составить основной материал для сопоставительного и контрастного анализа изменений в психологии местного населения, вызванных влиянием коллективизации периода первой пятилетки и стремительного «экономического возрождения Средней Азии» (economic renaissance of Central Asia) (Luria, 1931).

Так или иначе, судя по всему, в конце июля-начале августа экспедиция завершила свою полевую работу, а ее участники начали возвращение по домам (см. карту экспедиции 1932 г. на Иллюстрации).

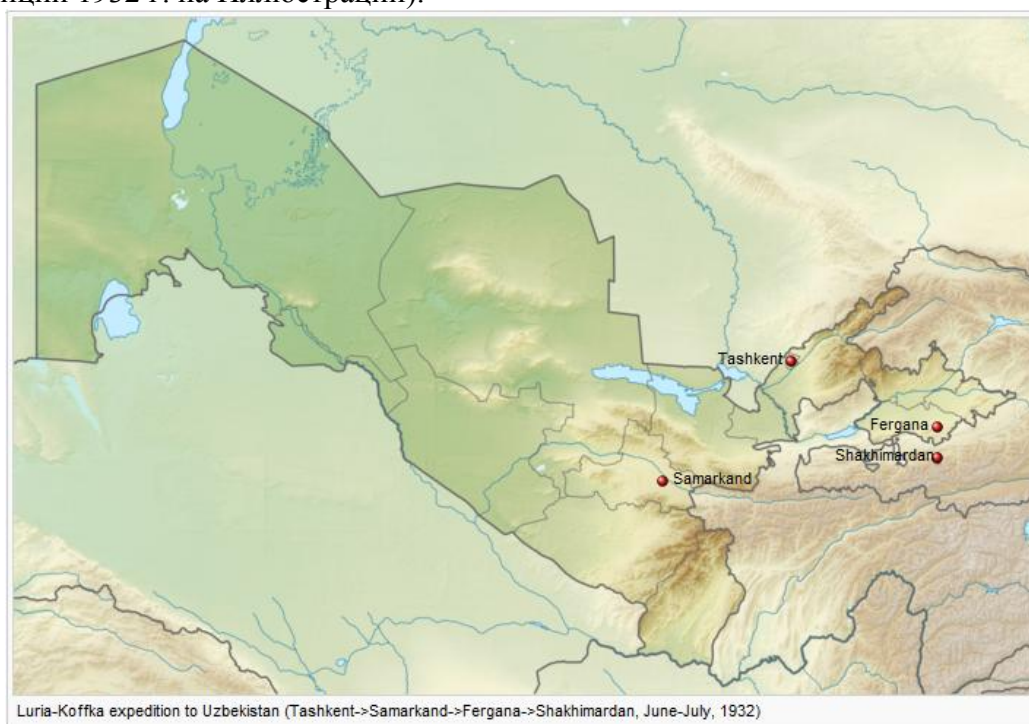

Иллюстрация 2. Карта экспедиции Лурии и Коффки в Узбекистан 1932 года, прошедшей по маршруту Ташкент—Самарканд—Фергана—Шахимардан.

По возвращении из Узбекистана Лурия опубликовал несколько своих статей, которые в той или иной степени затрагивали тему его среднеазиатских экспедиций. Так, например, в 1933 году в журнале «Советская психоневрология» вышла статья Лурии под

названием «Пути советской психологии за 15 лет», в которой встречается и упоминание о прошедших недавно экспедициях:

Изучение высших психологических процессов и их структуры не могло остаться в пределах психологических лабораторий и детских учреждений. Быстрая социалистическая реконструкция окраин, переводившая народы, сохранявшие остатки давно пройденных общественных укладов, к социалистическим формам хозяйства и общественных отношений, дала психологии новые исключительные возможности. Ряд психологических экспедиций (среди них следует отметить психологические экспедиции в Среднюю Азию в 1931 и 1932 гг.) собрал большой материал по исторической перестройке мышления и психики и впервые систематически подвергли [sic] вопрос об историческом развитии и изменении логических категорий, психологических функций и сознания (А. Р. Лурия, 1933, с. 34).

Кроме того, Лурия опубликовал отчеты о второй среднеазиатской экспедиции: короткую заметку в журнале *Science* (Luria, 1933) и сравнительно более длинный обзор исследований в *Journal of Genetic Psychology* (Luria, 1934). Ни в одной из этих публикаций проект третьей экспедиции упомянут не был. Несмотря на заверения автора в том, что исследования первой и второй психологических экспедиций будут обобщены и подготовлены к печати на протяжении следующего года (Luria, 1933, p. 192, 1934, p. 259), публикация результатов среднеазиатских исследований Лурии, Коффки и их сотрудников задержалась на несколько десятилетий и вышла лишь в середине 1970х (Luria, 1976; А. Р. Лурия, 1971; А. Р. Лурия, 1974). Среди причин задержки публикации материалов психологических экспедиций Лурии и Коффки 1931 и 1932 гг. как правило называют ту критику, которую эти исследования получили в Советском Союзе (см., напр., Е. А. Лурия, 1994).

Это обстоятельство, тем не менее, не объясняет, почему эти исследования не были опубликованы за рубежом так же, как и все анонсы этого проекта и предварительные сообщения о ходе исследования в журналах *Science*, *Journal of Genetic Psychology* и *Character and Personality* (Luria, 1931a, 1931b, 1932a, 1932b, 1933, 1934), в то время как Лурия вплоть до начала Второй мировой войны продолжал печататься за рубежом. В своих зарубежных публикациях на английском и французском языках, вышедших непосредственно после завершения экспедиции, Лурия ни единым словом не упоминает ни экспедиции 1931 и 1932 годов, ни сделанные в их ходе предположительно сенсационные открытия. Эти опубликованные работы были посвящены совсем другим темам: исследованиям близнецов в Медико-генетическом институте и работе в дефектологической клинике с детьми-олигофренами (Luria, 1935, 1936, 1937). Можно предположить, таким образом, что помимо критики среднеазиатской экспедиции в Советском Союзе, были и какие-то другие причины, по которым публикация полных результатов этого исследования не была осуществлена за пределами страны ни советскими гражданами, предположительно опасавшихся преследований за «политические ошибки», допущенные в ходе их научной работы, ни иностранным участником экспедиции—американским профессором Куртом Коффкой. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что Коффка все же опубликовал предварительные результаты своей части исследования, которое он провел в Средней Азии летом 1932 года: исследования психологических процессов восприятия и, по выражению Лурии, «психологических изменений вызванных коллективизацией в Средней Азии» (в оригинале: *mental changes caused by collectivisation in Central Asia*) (Luria, 1932b).

Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!»

О ходе и предварительных результатах экспедиций мы знаем из переписки Лурии и Выготского, проходившей летом 1931 и 1932 г. Письма Лурии среди архивных документов не были обнаружены, тем не менее сохранилось несколько восторженных писем от Выготского Лурии, написанных во время первой среднеазиатской экспедиции летом 1931 г. как реакция на первые результаты полевых исследований, не оставляющих сомнений в том, что для советских исследователей круга Выготского-Лурии первая экспедиция в Среднюю Азию в их глазах ознаменовалась колоссальным успехом. Например, свое письмо Лурии от 20 июня 1931 г. из Москвы в Среднюю Азию Выготский начинает таким образом: «Дорогой Александр Романович, сейчас только принесли твой Report № 1 (Выготский об экспедиции 1931, ПрМитал его с огромной радостью и спешу кратко откликнуться. Все, что ты сообщаешь бесконечно важно и интересно: это сейчас лучшая часть нашей работы — и новая часть в лучшем смысле, т.е. не повторяющая собственные зады, а ведущая всю работу вперед и поднимающая на высшую ступень старые исследования». Это же письмо Выготский заканчивает так: «Все. В общем замечательно! Лучшее за год. Путь в будущее. Оправдание потерянного полугода. Это золотой фонд экспериментов, которые прямо открываются теоретическим ключом. Работай и пиши мне. Я прочту письмо всем. Это замечательное письмо» (Выготский & Пузырей, 2004, pp. 31-33). Сходную исключительно высокую оценку получили и другие отчеты Лурии об экспедиции, полученные Выготским летом 1931. Из письма Выготского Лурии от 1 августа 1931 г.: «Писал тебе уже и в Самарканд, и в Фергану о том огромном ни с чем несравнимом впечатлении, какое произвели на меня твои Report'ы и протоколы. В нашем исследовании это огромный, решающий поворотный к новой точке зрения шаг. Но и в любом контексте европейских исследований такая экспедиция была бы событием. Это исследование будет твоей поездкой на Teneriff [т.е. исследованием, сопоставимым по значимости с омальским исследованием].

явление, по мнению Коффки, можно легко объяснить, в первую очередь, различиями в технике проведения исследования.

Так, по наблюдениям Курта Коффки, более непосредственные и наивные в социальном отношении испытуемые, которые держались с экспериментатором как с равным себе и не относились к эксперименту как к проверке их способностей, все без исключения демонстрировали иллюзии восприятия, такие как иллюзия Мюллера-Лайера и иллюзия Поггендорфа. И напротив, подозрительные, сомневающиеся и недоверчивые испытуемые, прежде чем вынести свой вердикт изучавшие предложенные им картинки на протяжении продолжительного времени, не наблюдали оптической иллюзии, да и то лишь в некоторых, но категорически не во всех случаях, что, по мнению Коффки, опять же подтверждало предыдущие исследования европейских психологов. Свое заключение Коффка сформулировал следующим образом:

За очень небольшими исключениями, обследованные нами мужчины и женщины поддавались оптическим иллюзиям—из числа которых наблюдалось множество разнообразных иллюзий—точно так же как и у нас с вами. Количественные измерения иллюзии Мюллера-Лайера и Поггендорфа показали несколько меньшее число случаев таких иллюзий, чем в контрольных экспериментах с европейскими испытуемыми. Исключения, которые были очень редки в этой экспедиции, но были гораздо более частыми в исследованиях первой экспедиции, легко объяснить отношением [: установкой, attitude, : Einstellung] испытуемых к экспериментатору. Наивные, социальные субъекты [social subjects], которые относились к экспериментатору как к равному и не рассматривали эксперимент как тест их способностей, демонстрировали иллюзии все без исключения. Только когда испытуемые были насторожены и долго изучали предложенные им картинки прежде чем вынести решение, иллюзии не были замечены в некоторых, но далеко не во всех случаях тестов, в соответствии с хорошо известными фактами. Сходным образом, может быть доказано и то, что в случаях с некоторыми простыми фигурами, такими как книга Маха (Mach's book), куб Некера (Necker's cube), лестница Шредера (Schroder's staircase), изображения перспективы на плоскости могут вызывать восприятие объемного объекта. Если изображение более сложное и имеет большую репрезентативную ценность (representative value), подразумеваемый трехмерный объект, как правило, не появляется, хотя мы и видим эти фигуры как трехмерные. Таким образом мы можем объяснить и противоположный отчет предыдущих исследователей, пришедших к выводу о том, что узбеки, не познавшие современной культуры, не могут воспринимать перспективу.

Трансформация в организации клетчатого изображения на манер шахматной доски происходила всегда, хотя иногда и с трудностями. Тест Котс (the Kohls test) показал значительные, но не непреодолимые, трудности в отказе (abandonment) от изначально воспринятой формы¹⁹.

¹⁹ В оригинале: «*Professor Kurt Koffka, together with G. Ashrafy.-Investigation of perception in various historical cultural phases. The following results may be considered as proved: With very few exceptions the men and women examined by us succumbed to the optical illusions-of which a great variety was shown-just as we do. Quantitative measurements of the Müller-Lyer and Poggendorf patterns yielded a slightly smaller amount of these illusions than control experiments with European psychologists. The exceptions, which were very rare in this expedition, but had been much more frequent in the first, are easily explained by the attitude of the testees towards the experimenter. Naïve, social subjects who treated the experimenter on a footing of equality and did not regard the experiment as a test of their ability had the illusion without exception. Only when the subjects were suspicious, staring a long time at*

Интересно, что эти наблюдения и интерпретации полученных данных, проведенные Куртом Коффкой, тесно перекликаются со сходными наблюдениями самого Лурии, которые сохранились во фрагменте его полевого дневника, опубликованном в книге мемуаров его дочери, Е.А. Лурия. Так, в своих наблюдениях Лурия подчеркивает легкость в налаживании контактов с социально активными испытуемыми, участниками коллективизации и местными жителями, вовлеченными в построение социализма в Узбекистане, в то время как жители отдаленных окраин, сохранявшие традиционный для Средней Азии уклад и образ жизни, демонстрировали все признаки недоверия и крайней настороженности к психологам-экспериментаторам:

С жителями кишлаков центральных районов, которые работали в совхозах, войти в контакт не составляло труда: «Совхоз в степи. Вдруг — сберкасса и квасная лавка... Разговор об Америке; Германию и Европу здесь не знают, но знают социализм. Мы пьем чай и долго говорим в ночь... Плов в полночь. Мы — в одной из самых экзотических ситуаций. Намаз, подушки и социализм...»

Жители отдаленных кишлаков к участникам психологической экспедиции относились с явным недоверием: «С нами определенно не хотят разговаривать! Чайхана и угрюмое негодование... Я втягиваюсь в беседу. Тысяча небылиц о Германии. Я дарю ножик от бритвы Жилет. Старик идет за паспортом». С жителями горного пастбища познакомиться было еще сложнее: «Нас снова боятся. При приближении все уходит в горы. Женщина-киргизка и паническая реакция: „Не сглазь ребенка!“» («Из путевых заметок А. Р. Лурия, 1932 г.», хранится в архиве А. Р. Лурия) (Е. А. Лурия, 1994, с. 61).

Таким образом, недоверчивые и враждебно настроенные испытуемые из отдаленных горных районов Шахимардана

основания сомневаться в выводах экспедиции 1931 г. и необходимость критического пересмотра как заключений, так и экспериментальных методик исследования Лурии. В любом случае, все такие характеристики этого исследования как, по выражению Выготского, «золотой фонд экспериментов, которые прямо открываются теоретическим ключом», «огромный, решающий поворотный к новой точке зрения шаг», или предположение о том, что «в любом контексте европейских исследований такая экспедиция была бы событием» в глазах крупнейшего и авторитетнейшего европейского исследователя, каковым несомненно был сооснователь и лидер одной из наиболее ярких и влиятельных психологических теорий и один из ведущих специалистов по психологии восприятия своего времени Курт Коффка, не оправдывали себя. И именно это обстоятельство, думается, как никакое другое, лучше всего объясняет то, что первые публикации находок среднеазиатских экспедиций Лурии и Коффки состоялись лишь несколько десятилетий спустя (А. Р. Лурия, 1971). Ни Выготский, ни Коффка до этого времени уже не дожили. К слову, о последнем: как в русской (А. Р. Лурия, 1974), так и в английской версии книги Лурии (Luria, 1976) ни выводы Коффки, ни даже его участие во второй среднеазиатской экспедиции 1932 года по той или иной причине упомянуты не были.

Литература

1. Harrower, M. (1971). A note on the Koffka papers. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 7(2), 141-153.
2. Harrower, M. (1983). *Kurt Koffka: an unwitting self-portrait*. Gainesville, FL: University of Florida Press.
3. Luria, A. R. (1931a). Psychological expedition to Central Asia. *Science*, 74(1920), (Oct. 16, 1931), pp. 383–384.
4. Luria, A. R. (1931b). Psychologische Expedition nach Mittelasien. *angewandte Psychologie*, 40, 551-552.
5. Luria, A. R. (1932a). Psychological expedition to Central Asia. *Journal of Genetic Psychology*, 40, pp. 241–242.
6. Luria, A. R. (1932b). [Report from] Russia. *Character and Personality*, 1(1), 82.
7. Luria, A. R. (1933). The second psychological expedition to Central Asia. *Science*, 78(2018), (Sep. 1, 1933), pp. 191–192.
8. Luria, A. R. (1934). The second psychological expedition to Central Asia. *Journal of Genetic Psychology*, pp. 255-259.
9. Luria, A. R. (1935). [Report from] Russia. *Character and Personality*, 3(4), 350-351.
10. Luria, A. R. (1936). The development of mental functions in twins. *Journal of personality*, 5(1), 35-47.
11. Luria, A. R. (1937). Vues psychologiques sur le développement des états oligophrènes. In M. Leconte (Ed.), *Journal de psychiatrie infantile*. Paris, 24 juillet au 1er août 1937 (Vol. IV. Comptes rendus, pp. 135-145). Lille: S.I.L.I.C.
12. Luria, A. R. (1976). *Cognitive development: its cultural and social foundations*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
13. Marrow, A. J. (1969). *The practical theorist: The life and work of Kurt Lewin*. New York: Basic Books.
14. Mecacci, L. (1976). *La psicologia sovietica 1917-1936*. Roma: Editori Riuniti.
15. Mecacci, L. (1980). Introduzione: Koffka e la psicologia sovietica. *Storia e critica della psicologia*, 1(1), 95-98.
16. Nell, V. (1999). Luria in Uzbekistan: The vicissitudes of cross-cultural neuropsychology. *Neuropsychology review*, 9(1), 45-52.
17. Rückriem, G. (2009). *Kurt Lewin: 1890-1947*. 1934, 2. Auflage/2nd edition. Berlin: Lehmanns Media.
18. Scheerer, E. (1980). Gestalt psychology in the Soviet Union. *Psychological Research*, 41(2-3), 113-132.
19. van der Veer, R., & Valsiner, J. (1991). *Understanding Vygotsky. A quest for synthesis*. Oxford: Basil Blackwell.
20. Выгодская, Г. Л., & Лифанова, Т. М. (1996). *В. И. Выготский: личность и творчество*. М.: Смысл.
21. Выготский, Л. С., & Пузырей, А. А. (2004). Письма к ученикам и соратникам. *Вопросы психологии*, 3, 3-40.
22. Коффка, К. (1932). Преодоление механистических и виталистических течений в современной психологии. *Вопросы психологии*, 5(3), 59-69.

23. Лурия, А. Р. (1933). Пути советской психологии за 15 лет. , 9(1), 25-35.
24. Лурия, А. Р. (1971). Психология как историческая наука // Б. Ф. Поршнев & Л. И. Анциферова (Ред.), История и психология (с. 36-62). Москва: Наука.
25. Лурия, А. Р. (1974). - . Москва: Наука.
26. Лурия, А. Р. (1974/2003). Пути раннего развития советской психологии. Двадцатые годы по собственным воспоминаниям // Ж. М. Глозман, Д. А. Леонтьев & Е. Г. Радковская (Ред.), Лурия, А.Р. (с. 259-274). Москва: Смысл.
27. Лурия, Е. А. (1994). . Москва: Гнозис.
28. Ясницкий, А. (2012). К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. , 1, 60-97.
29. Ясницкий А. / Yasnitsky A. Среднеазиатские психологические экспедиции. Хроника событий в письмах и документах / Psychological expeditions of 1931-1932 to Central Asia. Chronicle of events in letters and documents // , 2013, № 3, с. 114-166. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2013/3/2013n3a7/2013n3a7.pdf>

Поступила в редакцию: 30.09.2012 г.

Сведения об авторе

Ясницкий Антон – неаффилированный исследователь; Ph.D. (University of Toronto)
E-mail: anton.yasnitsky@gmail.com